

Редакторы-составители

*Крылов А. К.,
Крылова О. Ю.*

Мы благодарим всех принимавших активное бескорыстное участие в реализации программы «Храм» в указанный период, особенно сотрудников Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина, Научно-исследовательского музея и Научной библиотеки Российской Академии художеств, сотрудников Архива Санкт-Петербургского института материальной культуры Российской Академии наук, Псковского государственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, сотрудников Администрации города Можайска, а также журналистов радио России, Санкт-Петербургского радио и телевидения за регулярное и подробное освещение деятельности нашей программы.

Мы искренне благодарны Объединению «Гжель», Акционерному обществу закрытого типа «МНТО ИНСЭТ», Можайскому филиалу Универсального коммерческого УНИКОМБАНКа, Акционерному коммерческому банку «Кредит-Петербург», а также Заместителю председателя Санкт-Петербургского Фонда культуры Сочивко Евгении Николаевне и ктитору собора Свв. Петра и Павла в Петергофе Конюкову Владимиру Васильевичу, без финансовой поддержки которых было бы трудно осуществить намеченное.

*Члены Попечительского совета
Программы «Храм»*

«ОХРАНЯЕТСЯ ГОСУДАРСТВОМ»

Четвертая Российская научно-практическая конференция

(14, 15, 16 марта 1995 года)

«ПОГИБШИЕ СВЯТЫНИ»

(ТЕКСТЫ ДОКЛАДОВ)

Часть I

Санкт-Петербург
1996

ОРГАНИЗАТОРЫ:

Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина Российской Академии художеств

Санкт-Петербургский Фонд культуры

МЕСТО ПРОВЕДЕНИЯ:

Конференц-зал Санкт-Петербургской Академии художеств

ВЕДУЩИЕ:

В. А. Булкин, Ж. М. Вержбицкий, В. С. Шилов, А. К. Крылов

В папке подготовительных материалов к XVI археологическому съезду в Уваровском фонде ГИМа хранится несколько писем от разных лиц с указанием темы докладов, предлагавшихся съезду (И. С. Беляева, В. А. Бабенко, Н. Н. Клименко, А. Погодина, Соколовского, Шляпкина и др.). Наибольший интерес среди этих многочисленных материалов представляет текст доклада Н. И. Соболева о памятниках древности в уездном городе Торопце и торопецком уезде с приложением списка всех осмотренных памятников, фотографий и планов церквей (1912 г.)²³ и статья Н. Е. Северного «Митрополит Киевский Евгений Болховитинов» с подробным обзором деятельности одного из первых исследователей русских древностей²⁴. Проведению съезда помешали события первой мировой войны, хотя подготовка к нему была приостановлена еще раньше.

В 1916 г. местных любителей новгородской старины взволновало известие о постройке железнодорожного моста на линии «Царское Село—Орел» через Волхов с установлением дамбы к Юрьеву монастырю. Всеми силами НОЛД пыталось добиться перенесения строительства на север от города (за Антониев монастырь). Это требование было поддержано НЦАО и рядом столичных и московских организаций, куда НОЛД обращалось за помощью и поддержкой, но ничего сделать не удалось, представитель Министерства путей сообщения И. П. Борисов, выступая на собрании общества говорил о необходимости учитывать в первую очередь общественные и государственные интересы. Строительство угрожало не только Юрьеву монастырю, но и древнейшему Нередицкому храму, вследствие чего члены общества добились принятия ряда охранительных мер. Был поставлен вопрос о значении исторического ландшафта и необходимости его сохранения²⁵. Именно тогда прозвучали слова об ответственности общества перед потомками за разрушения «колыбели России, которая должна быть сохранена в неприкосновенности», ибо «Новгород весь представляет собой историческую реликвию».

Выступая в 1913 г. на открытии Церковно-археологического общества, архиепископ Арсений говорил: «Особое уважение к своей старине всегда было у новгородцев. Не будем поэтому стыдиться, что далекие предки, от которых за много столетий мы значительно ушли вперед, теперь окажутся нашими учителями и наставниками. Это будет только данью уважения к ним, умевшим любить и оберегать памятники старины. Из этого уважения мы, несомненно, извлечем немалую пользу»²⁶.

XV археологический съезд был одной из важнейших вех в изучении и охране новгородских древностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Русские ведомости. 1909. 6 января. С. 4.
2. Правила XV археологического съезда в Новгороде 1911 г. и протоколы заседаний предв. комитета 3—6 января 1909 г. М. 1909. С. 20—21.
3. Отчет московского предварительного комитета... // Волховский листок. 1911, 30 июля № 2179. С. 1.
4. Там же.
5. Известия XV археологического съезда в Новгороде. М., 1911. С. 33.
6. ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 638, с. 84—86.
7. Рудаков В. Е. XV археологический съезд // Исторический вестник. 1911, сентябрь. Т. СXXXV. С. 1140.
8. Новое время. 1911, 20 июля. № 12698. С. 4.
9. Новгородская жизнь. 1911, 29 июля. С. 1.
10. Известия XV археологического съезда в Новгороде. С. 169—170.
11. Там же. С. 163—166.
12. Там же. С. 171—172.
13. Там же. С. 19.
14. Новгородская жизнь. 1911, 3 августа. № 264. С. 1.
15. Волховский листок. 1911, 5 августа. № 3183. С. 1.
16. Там же.
17. Новгородская жизнь. 1911, 29 июля. № 261. С. 1.
18. Волховский листок. 1911, 5 августа. № 2183. С. 1.
19. ОПИ НГМЗ, ф. НЦАО, ед. хр. 11670. Л. 2, 5—14.
20. Жервэ Н. Н. Тихвинское отделение Новгородского общества любителей древности (1913—29 гг.) // Тихвинский сборник. Тихвин, 1988. С. 31—38.
21. ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, д. 640. Л. 3—66.
22. Там же. Л. 79—105.
23. ОПИ НГМЗ, ф. НОЛД, ед. хр. 1945, л. 149—154.
24. Новгородская старина. Труды НЦАО. Т. 1. Новгород, 1914. С. 18.

Тункина И. В.
(Санкт-Петербург)

А. С. Уваров и древности Южной России (конец 1840-х—начало 1850-х гг.)

Почти сорокалетняя научная и организационная деятельность Алексея Сергеевича Уварова (1825—1884) на благо отечественной археологии в современной историко-научной литературе лишь сравнительно недавно получила объективную оценку¹. Если в XIX в. научный авторитет основателя Русского и Московского археологических обществ, одного из создателей Исторического музея и организатора всероссийских археологических съездов не

подвергался сомнению, то уже в начале XX в. А. А. Спицын поставил вопрос о низком методическом уровне полевых работ, и соответственно, недостоверности исторических выводов в трудах А. С. Уварова². В советской историографии взгляд на А. С. Уварова как на барина-дилетанта, принесшего больше вреда, чем пользы науке, под влиянием работ В. И. Равдоникаса и А. В. Арциховского стал традиционным и общепринятым³.

Мне хотелось бы остановиться на начальном, петербургском периоде жизни А. С. Уварова, когда складывались его археологические пристрастия. Единственный сын министра народного просвещения и президента Петербургской Академии наук С. С. Уварова (1786—1855), он с детских лет был окружен историко-художественными коллекциями и огромной библиотекой отца⁴, имел возможность общаться с представителями научного и художественного мира Петербурга. Сергей Семенович в молодости сам увлекался античностью, под руководством Ф. Б. Грефе изучил древнегреческий язык и написал несколько сочинений по древней истории и литературе⁵.

Первоначально получив домашнее воспитание, А. С. Уваров в 1845 г. закончил историко-филологический факультет Петербургского университета, где учился классическим языкам у акад. Ф. Б. Грефе, римским древностям у Э. Е. Шлиттера, русской истории у Н. Г. Устрялова⁶. Не довольствуясь этим и воспользовавшись получением должности при Министерстве иностранных дел, молодой граф завершил образование в Геттингенском и Берлинском университетах⁷. Однако А. С. Уваров пренебрег открывавшейся перед ним возможностью быстрой дипломатической карьеры, хотя он числился чиновником МИДа до 1850 г., т. к. с каждым годом его все более и более затягивала новая страсть — любовь к древностям.

В Петербурге А. С. Уваров, начавший собирать древние монеты, сблизился с кружком столичных коллекционеров-нумизматов в лице И. А. Бартоломея, Б. В. Кёне и П. И. Сабатье, наряду с которыми вошел в число учредителей Санкт-Петербургского археолого-нумизматического общества, официально открытого 17 июня (ст. ст.) 1846 г. Используя придворные связи и помощь отца, А. С. Уваров помог быстро утвердить статус общества, первый параграф которого гласил, что его целью является не только изучение классической археологии «в собственном ее смысле, но и в особенности археологии и нумизматики новейших времен стран западных и восточных. Оно будет иметь в виду ознакомление с существованием монет, медалей и изящных произведений древ-

ности, еще неизвестных в ученном свете, которые бы могли открыты быть в России»⁸.

С момента своего открытия общество получило характер кастово замкнутого аристократического объединения, куда входили также немногие ученые Петербургской АН и коллекционеры-нумизматы, большей частью иностранцы на русской службе. Первоначально заседания общества проводились ежемесячно (кроме летних месяцев) во дворце его председателя герцога Максимилиана Лейхтенбергского, мужа великой княгини Марии Николаевны. Доклады и другие труды издавались исключительно на немецком и французском языках (русский язык сознательно игнорировался под предлогом незнакомства с ним некоторых членов). В конце концов такое русофобство встретило сопротивление постепенно возникшей русской партии и привело к коренной реорганизации общества: в 1851 г. оно было преобразовано в Русское археологическое общество с тремя отделениями (русской и славянской археологии, восточной археологии, древней и западной археологии), после чего некоторые иностранные подданные, являвшиеся членами общества, его покинули⁹.

А. С. Уваров, несомненно, вынес определенный урок из этой ситуации. Открывая созданное им в 1864 г. Московское археологическое общество, председатель сказал: «Обыкновенная замкнутость наших ученых обществ не существует в нашем уставе»¹⁰. МАО, ориентированное в основном на русские древности, отличала демократичность состава, его заседания были открыты для публики, а организация археологических съездов способствовала привлечению к изучению историко-археологических вопросов не только ученых, но и широких масс краеведов по всей стране.

В конце 1847 г. на одном из заседаний Петербургского Археолого-нумизматического общества был поднят вопрос: «Каким образом пополнить сведения о памятниках древности, сохранившихся на берегах Черного моря и доселе еще так мало исследованных?» Для его решения была образована специальная комиссия, которая составила список «замечательных в археологическом отношении» мест, связанных с нерешенными вопросами исторической географии и археологической топографии Причерноморья. Комиссия решила послать в южные районы страны одного из членов общества, но для такой поездки требовались значительные денежные средства, которые у общества отсутствовали. Тогда 22-летний граф А. С. Уваров обратился к председателю общества, герцогу Максимилиану Лейхтенбергскому, с просьбой по-

ручить ему это ученое путешествие, которое он был готов выполнить за собственный счет.

19 апреля 1848 г. министр народного просвещения граф С. С. Уваров уведомил председателя, что разрешение Николая I на археологическую экспедицию общества с правом проведения раскопок в Причерноморье получено, но с оговоркой, запрещающей проведение раскопок в Керчи, где этим занимались чиновник Министерства Императорского Двора Д. В. Карейша и директор Керченского музея древностей А. Б. Ашик¹¹.

4 мая 1848 г. от лица Комиссии молодому ученому была вручена инструкция (предписание) из 11 пунктов с указанием целей ученого путешествия, которые можно свести к следующим задачам: 1) осмотреть все места по берегу Черного моря (от Дуная до Кавказа), упоминаемые в античной письменной традиции, где наиболее заметны «следы древности»; 2) провести археологические исследования курганов, подсчитать их число, определить величину и положение на местности, установить, были ли они раскопаны и что в них найдено; 3) сообщить обществу сведения о различных методиках раскопок курганов, установив сумму, требуемую на них; 4) снять археолого-топографические планы руин античных городов и поселений в Новороссийском крае, Крыму, на Таманском полуострове и побережье Кавказа, в Области Войска Донского; 5) помимо классических древностей, обратить внимание на памятники скифские, византийские, татарские, гетуэзские и русские; 6) сделать копии или оттиски с неизвестных и неизданных надписей; 7) осмотреть музеи в Николаеве, Феодосии и Одессе, а также памятники, собранные у церкви в Тамани; 8) проверить информацию о могилах скифских царей на северном берегу Гнилого моря; 9) извещать общество о ходе исследований¹². Наряду с А. С. Уваровым в поездку отправился художник М. Б. Вебель, позднее получивший звание академика Академии художеств (1859).

Очевидно, что столь обширная исследовательская программа при всем старании путешественников в полном виде не могла быть претворена в жизнь. А. С. Уваров сумел объехать обширную территорию от Дуная до Таманского полуострова, однако Нижнее Подонье и Северо-Восточное Причерноморье (до Сухума) обследовать не успел. Материалы путешествия вошли в первый археологический труд А. С. Уварова, посвященный им герцогу Максимилиану Лейхтенбергскому — два выпуска «Исследований о древностях Южной России и берегов Черного моря» (СПб., 1851—1856). Отдельно был издан роскошный литографирован-

ный атлас с 40 таблицами in folio — «Собрание карт и рисунков к исследованиям о древностях Южной России и берегов Черного моря» (СПб., 1853. Вып. 2), с гравюрами И. Медведева, выполненными с рисунков М. Вебеля. Карты к нему были сняты военным топографом унтер-офицером Алексеевым¹³, состоявшим при чертежной 5-го пехотного корпуса минского пехотного полка.

Однако книга и атлас остались незавершенными. Как следует из рецензии антиковеда, профессора Московского университета П. М. Леонтьева, посвященной первому выпуску труда А. С. Уварова, его исследование должно было состоять из трех выпусков, включающих 7 глав¹⁴. Это подтверждают и архивные материалы. Третий выпуск «Исследований» должен был быть посвящен памятникам Крыма и Тамани, а вторая часть атласа рисунков и карт включать еще 53 таблицы¹⁵.

В Отделе письменных источников ГИМ в составе семейного архива Уваровых сохранились подготовительные материалы к неизданному выпуску «Исследований», в том числе 4—7 главы третьей части, путевые заметки, отпуски писем герцогу Максимилиану Лейхтенбергскому о ходе исследований¹⁶, карты берегов Черного моря и т. п. Изданные выпуски имеют единую нумерацию глав: первая и вторая (вып. 1) посвящены соответственно древностям в районе Днепровских порогов и древностям по побережью Бугского лимана, античной Ольвии и поселениям ее периферии, третья (вып. 2) — описанию памятников от Бугского лимана до Дуная, включая сведения об острове Березань, об античных и средневековых поселениях в районе Одессы и Днепровского лимана, о древностях Бессарабии.

А. С. Уваров первым из членов Петербургского Археолого-нумизматического общества занялся съемкой планов древних городищ. Граф начал свои исследования на берегах Днепра у Днепровских порогов, т. е. в местах, не предусмотренных инструкцией Археолого-нумизматического общества. Его внимание привлекли многочисленные курганы, сведения о которых он собирал из разных источников. Так, инженерные офицеры сообщили молодому путешественнику об обложенных каменными плитами курганах на берегу Днепра и Синюхи, которые, как предполагал граф, могли оказаться скифскими царскими гробницами в месте, описанном у Геродота под именем области герров (IV, 53,5; 56)¹⁷. На левом берегу Днепра в окрестностях Николая А. С. Уваров обследовал Кучугуры (Каменское городище), которое «на расстоянии почти шести верст в длину, и около трех или более верст в ширину, усеяно черепками разбитых амфор и стеклянных сосу-

дов, обломками кирпичей, железными гвоздями и пр.». По под-земному материалу (монеты Ольвии, Пантикапея, Херсонеса и т. п., фрагменты амфор, чернолаковых и красноглиняных сосудов, лепной керамики) А. С. Уваров пришел к выводу, что на этом месте было греческое поселение, которое позднее было занято племенем «азиатского происхождения». С помощью астронома Д. М. Перевощикова, вычислившего погрешность в определении широты и долготы у Птолемея, А. С. Уваров локализовал здесь город Серимон (Ш, 5, 28)¹⁸. Однако до сих пор вопрос об отождествлении городищ Нижнего Днепра с населенными пунктами, о которых писал Птолемей, остается открытым¹⁹.

По дороге из Херсона в Николаев молодой путешественник пытался обнаружить остатки легендарного храма Деметры. Местные жители сообщили А. С. Уварову, что «к ним часто приезжали порыться..., но... ничего никогда не находили». Лишь на Золотом мысу, расположенном в трех верстах от деревни Широкой и в семи верстах от Станислава, в начале 1830-х гг. херсонский житель Шибинский проводил грабительские раскопки и обнаружил несколько беломраморных плит, остатки постройки с каменным подвалом, заполненным сосудами (амфорами?), о судьбе которых археологу так и не удалось ничего выяснить²⁰.

Наиболее интересным объектом для А. С. Уварова оказались руины античной Ольвии, уже обследованные в 1810-х—1820-х гг. акад. Е. Е. Кёлером, П. И. Кёппеном, И. П. Бларамбергом и И. М. Муравьевым-Апостолом. Молодой граф поселился в доме главноуправляющего имениями гр. Г. Г. Кушелева, К. Д. Станкевича и воспользовался советами жившего там же любителя древностей М. В. Розена, хорошо знавшего эти места.

На протяжении десятилетий грабительские раскопки городища и некрополя Ольвии проводили как владельцы окрестных земель, так и крестьяне села Ильинского (Парутино). По свидетельству путешественника, все городище было «взрыто» и «ископано». Местные жители сделали поиск древностей и продажу их антиквариам дополнительным источником дохода. Так, за одни сутки на западном берегу лимана, просеивая песок через решето, крестьянами было найдено и принесено А. С. Уварову «более ста медных монет, в том числе и две серебряные, много амфорных ушек, сосудов и других мелочей»²¹. В книге приведены сведения о раскопках некрополя, проводившихся на средства графа А. Г. Кушелева-Безбородко в 1832, 1842 и 1844 г. Курган 1842 г. имел склеп с мужским погребением и богатым инвентарем — золотой маской, лавровым венком, ожерельем, серьгами, перстнем.

В атласе опубликован рисунок каменного склепа с уступчатым перекрытием, открытого в 1844 г.²²

Безусловной заслугой А. С. Уварова является снятие двух планов — городища и некрополя (табл. VIIA); городища и его окрестностей (табл. VIIВ). Первый был сделан при помощи глазомерной, а второй — инструментальной съемки. Из уже упомянутой рецензии П. М. Леонтьева следует, что А. С. Уваров остался недоволен имевшимся у него планом Ольвии, поэтому выход атласа из печати задержался до тех пор, пока военные топографы не завершили работу на местности для подготовки плана городища большего размера, вероятно, второго²³.

Одной из ближайших задач исследования могильника он считал топографическую съемку всех курганов с обозначением их величины и указанием, «какие рыты, какие нет». «При разрытии же курганов необходимо отмечать, что откроется в каждом из них. Когда же могила будет разрыта, то поддерживать ее в этом состоянии можно почти без всяких издержек: для этого стоит только прикрывать вход в нее в зимнее и осеннее время. Через несколько лет Ольвия сделалась бы, так сказать, музеем для изучения археологии, и любопытные путешественники стекались бы в нее, как стекаются со всех сторон света любоваться Помпеею и Геркуланумом», — писал А. С. Уваров. По мнению управляющего имением, за период с апреля до середины ноября, т. е. за 7 месяцев раскопок 10 рабочих могли бы «срыть» не менее 140 курганов, «полагая полтора дня на каждый курган»²⁴. С современных позиций говорить о правильности подобных раскопок не приходится, хотя мы обязаны помнить, что по прошествии почти 150 лет любые полевые исследования выглядят методически слабыми.

Результаты изучения свидетельств античной письменной традиции об Ольвии, трудов предшественников и собственных исследований на местности А. С. Уваров обобщил во второй главе «Исследований», где главное внимание уделил реконструкции истории древнего города, его топографии и анализу известных к тому времени эпиграфических, нумизматических и археологических находок²⁵.

Касаясь собственно ольвийских древностей, А. С. Уваров опубликовал ряд новых надписей (IPE, I2, № 20, 25, 161), а также монет и керамических клейм. Автор также уделил внимание находкам стрел, терракот, украшений, керамики и т. п. В середине XIX в. большая часть отечественных изданий по археологии Причерноморья уже содержала публикации надписей, выполненных на античной керамической таре и черепице, однако их качество

было невысоким. Как правило, надписи на клеймах издавались строчными буквами, реже — в эпиграфическом наборе, транскрибированном минускулами. Точные рисунки штемпелей, позволявшие проверить предложенное чтение и восстановление надписей в клеймах, приводились крайне редко. Единственное исключение составляет таблица с прекрасными копиями клейм из Ольвии, помещенная в атласе А. С. Уварова²⁶.

Безусловной заслугой молодого археолога можно считать и то, что он одним из первых обратил внимание на многочисленные поселения ольвийской периферии и сообщил сведения о случайных находках на них. Им отмечены поселения у Чертовой и Кротковой балок, Козырка, Малая Дереклея, Долгая кошка, Аджиголь, Чифутовский городок, Александровка, Кисляковка²⁷, в атласе приведены планы некоторых из них. Сельские поселения Ольвии привлекли к себе внимание археологов лишь век спустя²⁸.

А. С. Уваров посетил и остров Березань, древнейшее поселение греков в Северном Причерноморье. Земля острова была усыяна черепками греческих красноглиняных амфор, обломками белого мрамора и зеленоватого камня, похожего на яшму. Разделяя мнение акад. Е. Е. Кёлера о возможности существования на острове древнего храма Ахилла, А. С. Уваров стремился отыскать его руины, поэтому принял за них видимые на поверхности земли остатки одной из построек. «Любопытно было бы разрыть это пространство по направлению видимых еще канав и рвов...», — писал он²⁹. На северной оконечности острова им были отмечены шесть некопанных ранее курганов, которые, наряду с древним колодезем, зафиксированы на снятом им плане острова (табл. XXV).

В исторической части исследования А. С. Уваров зачастую некритически следовал выводам своих именитых предшественников, в частности главного авторитета по античным древностям Причерноморья, академика Петербургской Академии наук и хранителя Эрмитажа Е. Е. Кёлера, к тому времени уже покойного. Крупнейший отечественный антиковед акад. В. В. Латышев, автор вышедшего через 36 лет самого значительного труда прошлого века по истории Ольвии, в целом высоко оценил труд А. С. Уварова, но отметил и его недостатки: «В исторической части [он] оставляет желать много лучшего, страдая недостатком критики и основательного знакомства со свидетельствами древних, как литературными, так и эпиграфическими»³⁰. Таким образом, исследование А. С. Уварова, образцовое для своей эпохи в области археологии и нумизматики, в своем историческом разделе являлось наиболее уязвимым для критики.

Неопубликованные 4—7 главы книги А. С. Уварова не были полностью написаны автором. В тексте он оставлял чистые листы, чтобы впоследствии дописать отдельные разделы, но по каким-то причинам ему это сделать не удалось. Глава 4 посвящена описанию памятников «От Днепра до Таврических гор», в том числе Тендровской косе, Северо-Западному и Центральному Крыму (часть, посвященная окрестностям Симферополя, осталась не написана). Сохранился текст о Бахчисарае, пещерных городах и монастырях (Мангуп, Инкерман, Чуфут-Кале, Черкес-Кермен, Тепе-Кермен и др.). Вероятно, глава 5 должна была быть посвящена описанию археологических памятников южного берега Крыма: в архиве сохранились заметки с описанием пути от Демирджи до Эски-Крыма. Фрагменты 6 главы посвящены Судаку, Феодосии и Керчи. Древней истории Таманского полуострова посвящена 7 глава, фрагмент которой, с анализом античной письменной традиции, имеется в архиве ученого³¹. В тексте неизданных глав приведены сведения о раскопках, описания памятников и их планы. Попытки автора решить спорные вопросы исторической географии оказались большей частью неудачными — они не соответствуют современной локализации античных и средневековых городов Северного Причерноморья.

В какой-то мере восстановить содержание ненаписанных разделов 4—7 глав книги А. С. Уварова помогают его путевые заметки 1848 г.³², которые велись на протяжении всего путешествия, с точными указаниями дат и населенных пунктов, через которые он проезжал. В них приведены сведения о встречах с антикварами, о составе коллекций провинциальных музеев и частных собраний, данные о раскопках и т. п. Для историков археологии путевые заметки и материалы к неизданным главам «Исследования» А. С. Уварова обладают ценностью первоисточника, т. к. содержат не только информацию о забытых раскопках, но и неизвестные ранее планы, рисунки, чертежи археологических памятников, списки коллекций, позволяющие проследить происхождение и перемещение вещей (многие из которых утратили свои паспорта или сейчас неверно атрибутированы) из одного собрания в другое.

Вот что тезисно пишет А. С. Уваров в путевых заметках 11 сентября 1848 г. о городище Херсонеса: «Надо составить подробный план, потом камни, лежащие над землею, вынести за городскую стену, или обнести все место стеной, чтобы не могли красть камня; очистить — так главные здания обозначатся, и тогда нужно не рыть, а только вырывать фундамент, чтобы они яснее

были видны. Улицы обозначатся, площади (не рыть, как Карейша, а выносить землю, ибо нужно очистить). Потом составить новый подробнейший план... Стены кое-где поддержать кирпичною работою. Отнюдь не рыть, ибо потеряются... сохранившиеся еще остатки зданий, улиц, площадей. По направлению цистерн можно видеть, откуда шла к ним вода, но не рыть. Если это сделать, то нужно с одного конца, и постепенно дойти до другого, никак не бросать, как Карейша, на все места, ибо тогда, завалив одно, стал бы отрывать другое. После дождя, снимая землю палкою, находят много монет, одних византийских херсонесских монет, и императорских времен Константина Великого, Восточной империи...»³¹.

Из дневника известно, что в Одессе А. С. Уваров познакомился с секретарем Одесского общества истории и древностей Н. Н. Мурзакевичем, который снабдил его памятной запиской под названием «Memorandum», где обратил внимание молодого путешественника на наиболее примечательные археологические объекты Крыма и Тамани³⁴. В ней даны указания о необходимости графической фиксации важнейших памятников Севастополя, Инкермана, Бахчисарая, Черкес-Кермена, Мангупа, Чуфут-Кале, Георгиевского монастыря, Балаклавы, Алупки, Ялты, Алушты, Симферополя, Судака, Эски-Крыма, Феодосии, Керчи, Еникале, ст. Тамань. Н. Н. Мурзакевич перечислил лиц, занимавшихся раскопками или коллекционированием древностей, у которых А. С. Уваров мог срисовать или приобрести древности. Так, о керченских и таманских антиквариатах он пишет следующее: «Из под руки спрашивать монет и вещей. У г. Гурьева можно купить за 50 руб. ассигнациями право на раскрытие кургана, и у него же попадутся золотые монеты боспорские. У одного аптекаря есть боспорские золотые монеты, с осторожностью разведать от г. Черкасова, члена Карантина, и через него же познакомиться с теми собирателями, которые укрываются от явных антиквариатов — официальных... Еникале: осмотреть тщательно всю крепостную стену, может быть встретится надпись. За маяком, далее к морю, я не был — нужно обозреть, что-нибудь встретится. Тамань — купец Сазонов, у которого много керченских древностей, много невидимых. Срисовать их, буде он позволит»³⁵.

Однако, судя по дневнику, А. С. Уваров посетил Керчь лишь проездом в Тамань. Вероятно, это объясняется тем, что другой член Петербургского Археолого-нумизматического общества, П. И. Сабатье, интересовавшийся нумизматикой Боспора, летом 1848 г. посетил Керчь. В известной книге Н. И. Веселовского по

истории РАО утверждается, что А. С. Уваров и П. И. Сабатье путешествовали вместе³⁶, но это не подтверждается архивными документами. Ни в изданных выпусках книги, ни в путевых заметках А. С. Уварова имя П. И. Сабатье не упоминается. 19 апреля 1849 г. П. И. Сабатье сделал доклад в обществе о своей поездке, где сообщил о приобретении в Керчи неизданных монет и древностей для собственной коллекции, о подготовке им книги, которая «будет заключать в себе полное обозрение истории царства Босфорского и опыт нового хронологического распределения его царей, основанное на медалях и надписях»³⁷. Труд Сабатье был издан на средства общества в 1849 г. на французском языке³⁸, а в 1851 г. — в русском переводе³⁹.

А. С. Уваров вернулся в Петербург в середине ноября 1848 г., переполненный впечатлениями об увиденных памятниках. Собранные материалы он решил издать в виде книги с приложением атласа, на что требовалось не менее 5—6 тысяч рублей. На заседании общества 13 декабря 1848 г. он предложил издать этот труд за собственный счет. Как следует из предисловия, рукопись первого выпуска закончена автором в 1850 г. После выхода русского издания текст был издан во французском переводе в Париже в 1855—1860 гг.

В 1850 г. археологические пристрастия А. С. Уварова перевесили его заинтересованность в дипломатической карьере — он перешел из МИДа в Министерство внутренних дел к графу Л. А. Перовскому, большому любителю и коллекционеру древностей, по инициативе которого в 1852 г. заведование всеми раскопками в стране было передано в МВД. В 1851—1853 гг. молодой граф числился камер-юнкером при Кабинете Его Императорского величества и продолжал заниматься раскопками во Владимирской и Московской губерниях. Но уже в 1853 г. А. С. Уваров вновь занялся археологическими исследованиями на юге России⁴⁰.

В мае 1853 г. Л. А. Перовский предписал А. С. Уварову отправиться в Таврическую губернию для проведения раскопок, по его усмотрению, в окрестностях Симферополя, Мангупа, Балаклавы, Судака и Севастополя. Уделяя значительное внимание методике раскопок, министр распорядился выдать археологу «три ножа различной величины для осторожного ощупывания и отделения земли около открытых вещей, и три решета с отверстиями различной величины для просеивания земли в несколько раз, дабы не оставить в ней мелких предметов». У управляющего морским

министерством вел. кн. Константина Николаевича было получено разрешение о «беспрепятственном допуске к производству изысканий... на землях морского ведомства» и оказании содействия исследованиям А. С. Уварова со стороны командования Черноморского флота⁴¹.

Сохранились несколько рапортов А. С. Уварова Л. А. Перовскому за 1853—1854 гг., из которых известно, что на протяжении трех недель он проводил раскопки на городище и некрополе Ольвии. В юго-восточной части городища Ольвии А. С. Уваров заложил пять траншей. На некрополе по той же методике им было раскопано 9 курганов у Широкой балки — или узкой траншеей до центра, затем выемкой в виде прямоугольника, или радиальными траншеями⁴². Открытые стены и фундаменты зданий, так же как «мелкие незначительные вещицы», его не заинтересовали. Единственной находкой, упомянутой в рапорте, стал мраморный лев «аршина полтора в длину». Шесть курганов, раскопанных А. С. Уваровым, оказались грабленными. В насыпи одного из них был обнаружен фрагмент расписной вазы с изображением «Диониса, сидящего возле Ариадны».

Бедный характер находок в Ольвии, не оправдавший надежд А. С. Уварова, заставил его перенести работы в окрестности Симферополя, начатые им 9 сентября 1853 г. на городище, отождествляемом со столицей позднескифского царства в Крыму, — Неаполем Скифским. «С 1848 г, когда я последний раз видел эту местность, много произошло перемен. Татары успели уже совершенно разобрать все следы городской стены и разрыть некоторые курганы и насыпи», — писал А. С. Уваров Л. А. Перовскому. Здесь ему повезло более, чем в Ольвии. При раскопках на городище, на которых ежедневно работало более 100 человек, был найден фрагмент греческой надписи Посидея с посвящением Ахиллу Понтарху, победившему пиратствующих сатархов. Раскопки открыли остатки жилищ, стены которых оказались сильно повреждены выборками камня, систематически проводившимися жителями Симферополя⁴³.

Затем А. С. Уваров осмотрел все «замечательные местности» по дороге в Бахчисарай. В Чуфут-Кале он договорился о проведении раскопок под наблюдением хана Саломона Бейма, а сам начал исследования на Мангупе с целью обнаружить «древние гробницы владетелей города». 7 октября А. С. Уваров прибыл в Севастополь и на следующий же день приступил к съемке плана «всего древнего Херсонеса»⁴⁴, необходимость составления которого он понял еще в 1848 г. К сожалению, план остался неопуб-

ликован, хотя с него была выполнена литографированная таблица, предназначавшаяся, вероятно, для неизданной части атласа «Исследований». Единственный известный мне экземпляр таблицы хранится в личном архиве С. А. Беляева.

В 1850 г. по указу Синода, утвержденному императором, начальству Херсонской епархии разрешалось заняться восстановлением древних «святых мест» в Крыму⁴⁵. В 1850—1852 гг. в ведение Таврической епархии были переданы участки земли, принадлежавшие Севастопольскому порту, для увековечивания места крещения кн. Владимира⁴⁶. На территории городища Херсонеса архиепископом Херсонским и Таврическим Иннокентием был открыт Херсонесский монастырь, первоначально под видом общежительной киновии. Первую церковь в честь св. княгини Ольги, матери св. князя Владимира, при строительстве которой были обнаружены остатки византийского храма, освятили в феврале 1853 г. Настоятель игумен Василий (Юдин) обнес городище Херсонеса стеной⁴⁷ и получил разрешение на сооружение известковой печи, где пережигался на известь мелкий камень, разбросанный по территории городища. Этому не препятствовал председатель Севастопольского статистического комитета З. А. Аркас, которому Одесским обществом истории и древностей было поручено собирать древности на городище. Он полагал, что таким образом скорее откроются фундаменты, мраморы и другие древности⁴⁸.

Как выяснилось, всего этого не знал А. С. Уваров, которому для исследований на городище Херсонеса и в Инкермане требовалось разрешение архиепископа Иннокентия. Граф, обратившийся к нему с письмом, получил положительный ответ, но с оговоркой, что раскопки «должны получить новый характер и быть приспособлены к целям высшим, по крайней мере, не быть в противоречии с ними... По нашему плану и для наших целей первее всего желательно было бы в Херсонесе открыть совершенно развалины той церкви, в коей, по общему почти мнению, совершилось крещение вел. кн. Владимира, с ближайшими к ней зданиями...». Иннокентий просил А. С. Уварова, чтобы найденные «вещи... оставались на месте, ибо из всех подобных находок предположено устроить со временем в Херсонесе и Инкермане по небольшому хранилищу местных древностей»⁴⁹. А. С. Уваров немедленно доложил об этом графу Л. А. Перовскому, а тот в свою очередь — Николаю I. Император распорядился христианские древности оставить в распоряжение Иннокентия, а памятники античного периода, открытые А. С. Уваровым, отправлять в Эрмитаж⁵⁰.

Раскопки А. С. Уварова в Херсонесе, проходившие с 28 октября по 5 декабря 1853 г., подробно освещены в литературе⁵¹. В помощь археологу морское ведомство прикомандировало подпоручика корпуса флотских штурманов Федорова⁵². Сами раскопки проводил лейтенант Шемякин, а граф лишь осуществлял общее наблюдение над ними⁵³. Чтобы не терять время, до получения разрешения от Иннокентия Уваров начал исследования вне церковных земель и открыл около 40 погребений за городской чертой (семейные склепы с труположениями, из которых один был расписан фресками). Находки (свыше 200 памятников античного и византийского декоративно-прикладного искусства, монеты I в. до н. э. — X в. н. э.) были немедленно отправлены в Петербург⁵⁴. Необходимо отметить, что описи вещей составлены А. С. Уваровым не по материалу их изготовления (золото, бронза, железо, стекло, керамика и т. п.), как это было общепринято в первой половине XIX в., а по погребальным комплексам, что отвечает и современным методическим требованиям.

7 ноября 1853 г. Уваров приступил к раскопкам церкви в северной части городища у моря⁵⁵, которая ранее была принята З. А. Аркасом за сторожевую башню. Она оказалась одним из наиболее крупных храмов Херсонеса и вошла в литературу под именем Уваровской базилики. Под дерновым слоем были найдены вделанные в стены древнегреческие надгробия с надписями, обломки мраморных колонн, pedestалов, плит с высеченными крестами, мозаики и пр.⁵⁶. В рапорте Василия архиепископу Иннокентию имеется упоминание, что А. С. Уваров при раскопках просеивал землю через решето, чтобы не пропустить фрагменты камней или металла с надписями⁵⁷.

Иннокентий не только пристально следил за работами А. С. Уварова, но и за собственный счет начал проведение раскопок церкви в центре городища, пытаясь найти поблизости фундамент дворца, в котором жил кн. Владимир. В письме А. С. Уварова Иннокентию от 6 декабря 1853 г. он подробно освещает ход своих раскопок храма и описывает найденные в нем древности. Наступившие холода остановили раскопки, поэтому исследование базилики не было доведено до конца. Охрану находок и фундамента здания с остатками мозаик А. С. Уваров поручил настоятелю Петропавловской церкви Арсению Лебединцеву⁵⁸. Храм впоследствии был исследован раскопками К. К. Косцюшко-Валюжинича, Р. Х. Лёпера⁵⁹ и В. А. Кутайсова. Как установлено новейшими исследованиями, Уваровская базилика была построе-

на не ранее VII в., в древности неоднократно перестраивалась и функционировала как храм длительный период⁶⁰.

Начавшаяся в сентябре 1853 г. война России с Турцией, а в марте 1854 г. с Англией и Францией, известная в истории как Крымская война (1853—1856), нарушила планы А. С. Уварова о продолжении раскопок. Обеспокоенный сохранностью херсонесских памятников, Л. А. Перовский доложил императору об открытии базилики и мозаики, которую последний немедленно повелел перевести в Эрмитаж. В начале мая 1854 г. это было поручено А. С. Уварову, которому дали в помощь коллежского регистратора Медведева и старшего мастера второго I разряда Петергофской гранитной фабрики Василия Докторова. На обратном пути из Севастополя министр просил А. С. Уварова заехать в Екатеринославскую губ., где А. В. Терещенко вел раскопки знаменитого Александропольского кургана. Уварову поручилось «обозреть произведенные там работы, сообразить, какие раскопки надлежит произвести еще в кургане сем, и о том, что окажется, мне донести, с заключением Вашим, можно ли, по мнению Вашему, ожидать открытия замечательных древностей в сказанном кургане». В ГИМе сохранился рапорт А. С. Уварова Л. А. Перовскому о раскопках Александропольского кургана, проводившихся под руководством А. В. Терещенко⁶¹.

Во время обороны Севастополя территория Херсонеса была занята противником: херсонесская ц. св. Ольги подверглась разрушению французскими войсками, на месте келий была построена батарея с пороховыми складами, а по городищу в разных направлениях прокопаны траншеи. Покидая Севастополь, французы прихватили с собой древности, хранившиеся в устроенном Иннокентием музее при кинонии, и вещи из проводившихся ими на городище грабительских раскопок⁶². Военные действия в Крыму прекратились лишь с октября 1855 г.

Вероятно, вскоре после женитьбы (т. е. не ранее 1859 г.) А. С. Уваров вновь посетил Севастополь. В его архиве имеется тетрадь о раскопках в Таврической губернии и с дневником поездки в Крым без указания года, где есть запись о Херсонесе: «24 августа приехали в Севастополь. В древнем Херсонесе местность мало пострадала от траншей неприятельских!». Далее помещено описание древностей Южного берега Крыма и дневник его раскопок дольменов в Гаспре, имени графа Мордвинова⁶³.

Археологическое путешествие А. С. Уварова 1848 г. и раскопки 1853 г., безусловно, внесли значительный вклад в изучение археологических памятников юга России. Его первый капиталь-

ный труд «Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря» ввел в научный оборот значительный объем археологических, эпиграфических и нумизматических источников, существенно обогативших науку. К середине XIX в. А. С. Уваров сформировался и как полевой, и как кабинетный исследователь. Безусловно, под благотворным влиянием Л. А. Перовского стала совершенствоваться применяемая им методика раскопок, т. к. министр требовал от сотрудников обязательного ведения полевого дневника, графической фиксации раскопок, составления описей находок. А. С. Уваров проводил раскопки с научными целями, хотя главное внимание всегда уделял эффектным художественным памятникам, надписям и монетам. Этот антикварный оттенок исследований был характерен для отечественной археологии в первой половине—середине XIX в., когда она формировалась как самостоятельная научная дисциплина.

Обвинения в бесполезности раскопок А. С. Уварова в связи с несовершенством их методики, на наш взгляд, безосновательны, т. к. он соответственно их документировал: сохранились его полевые отчеты⁶⁴ и описи находок, где, например, погребальный инвентарь разделен по погребениям. Другое дело, что их результаты не были востребованы ни самим графом, ни исследователями последующих поколений, — они остались неизданными и забытыми. Труды А. С. Уварова базировались на тщательном анализе и сопоставлении данных письменных и археологических источников. Он одним из первых показал, что на кабинетном уровне исследований, без планомерных археологических раскопок, окончательно решить вопросы археологической топографии и исторической географии Причерноморья практически невозможно. И это, на наш взгляд, одно из главных достоинств работ А. С. Уварова на юге России конца 1840-х—начала 1850-х гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., например: Формозов А. А. Очерки по истории русской археологии. М., 1961. С. 85—88; Он же. Страницы истории русской археологии. М., 1986. С. 67—68; Он же. К столетию «Археологии России» А. С. Уварова // Природа. 1981. № 12. С. 61—69; Он же. А. С. Уваров и его место в истории русской археологии // РА. 1993. № 3. С. 228—245; Вздорнов Г. И. История открытия и изучения русской средневековой живописи: XIX век. М., 1986. С. 138—145; Лебедев Г. С. История отечественной археологии: 1700—1917 гг. СПб., 1992. С. 94—101.

2. Сидцын А. А. Владимирские курганы // ИАК. 1905. Вып. 15. С. 84—90.
3. Равдоникас В. И. За марксистскую историю материальной культуры // ИГАИМК. 1930. Т. 7. Вып. 3—4. С. 35—38; Арциховский А. В. Развитие археологии и этнографии до середины XIX в.: Археология // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. Т. 1. С. 530—531, 533.
4. Купрашина Т. Б. Коллекция из имени А. С. и П. С. Уваровых Карачарово в Муромском музее // Очерки истории русской и советской археологии. М., 1991. С. 52.
5. Фролов Э. Д. Русская историография античности (до середины XIX в.). Л., 1967. С. 100, 110—111.
6. Стрижова Н. Б. Архив А. С. и П. С. Уваровых в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея // Уваровские чтения. Тез. докл. Муром, 1990. С. 14.
7. См.: Яковлев В. А. Граф А. С. Уваров: Некролог // 300040. 1886. Т. 14. С. 807; Граф Алексей Сергеевич Уваров // Историческая записка о деятельности Императорского Московского археологического общества за первые 25 лет существования. М., 1890. С. 88—91.
8. Веселовский Н. И. История Императорского Русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования: 1846—1896. СПб., 1900. С. 36, 41, 48.
9. Веселовский Н. И. Указ. соч. С. 60—64; Лебедев Г. С. Указ. соч. С. 80—86.
10. Историческая записка о деятельности Императорского Московского археологического общества... С. 4.
11. РА ИИМК, ф. 3, оп. 1, д. 30. Л. 3—3 об.; Оpubл.: Веселовский Н. И. Указ. соч. С. 208.
12. РА ИИМК, ф. 3, оп. 1, д. 30. Л. 5—6; Оpubл.: Уваров А. С. Исследования о древностях Южной России и Берегов Черного моря. СПб., 1851. Вып. 1. С. III—IV (примеч.).
13. РА ИИМК, ф. 3, оп. 1, д. 30. Л. 22—22 об.; ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, д. 193. Л. 12.
14. См.: Отечественные записки. 1852. Т. 83. № 7. Отд. 5. С. 5.
15. РА ИИМК, ф. 3, оп. 1, д. 30. Л. 1—2.
16. Три подлинных письма А. С. Уварова герцогу из Одессы (26 июля 1848 г.), Севастополя (13 сентября 1848 г.) и Петербурга (13 декабря 1848 г.) отложились в бумагах РАО. См.: РА ИИМК, ф. 3, оп. 1, д. 30. Л. 13—16, 18—25.
17. Уваров А. С. Исследования... Вып. 1. С. 14.
18. Там же. С. 20—30.
19. Археология Украинской ССР. Т. 2. Киев, 1986. С. 223—227.
20. Уваров А. С. Исследования... Вып. 1. С. 32—34.
21. Там же. С. 40.
22. Уваров А. С. Исследования... Вып. 1. С. 42—44; Он же. Собрание карт... Табл. XI, XIV.
23. Леонтьев П. М. Указ. соч. С. 29. Прим.
24. Уваров А. С. Исследования... Вып. 1. С. 41—42. Прим. 3.
25. Уваров А. С. Исследования... Вып. 1. С. 35—138; Он же. Собрание карт и рисунков... Вып. 2. Табл. VIIA—XXIV.
26. Уваров А. С. Собрание карт... Табл. XII. Подробнее см.: Кац В. И., Тункина И. В. Зарождение керамической эпиграфики в России // Античный

- мир и археология: Проблемы античной государственности, материльной и духовной культуры. Межвуз. научн. сборник. Вып. 8. Саратов, 1990. С. 121—122.
27. Уваров А. С. Исследования... Вып. 1. С. 45—48.
28. Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. М. Сельская округа Ольвии. Киев, 1989. С. 5; Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Отрешко В. М. Античные поселения Нижнего Побужья (Археологическая карта). Киев, 1990. С. 3—4, 10 сл.
29. Уваров А. С. Исследования... Вып. 2. С. 141—143.
30. Латышев В. В. Исследования об истории и государственном строе г. Ольвии. СПб., 1887. С. VIII—IX.
31. ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, д. 196. Л. 2—104; Д. 206.
32. Там же. Д. 192. Л. 1—74.
33. Там же. Д. 192. Л. 54 об.—55 об.
34. Там же. Д. 196. Л. 105—109.
35. Там же. Д. 196. Л. 108 об.—109.
36. Веселовский Н. И. Указ. соч. С. 208—209.
37. Заседания 1849 г. // Записки Санкт-Петербургского Археологическо-нумизматического общества. 1850. Т. 2. Вып. 1. С. 170.
38. Sabatier J. Aouvenirs de Kertsch et chronologie du royaume de Bosphore. SPb., 1849. См. рецензию: Отечественные записки. 1850. Т. 73. № 12. Отд. 6. С. 80—84.
39. Сабатье П. Керчь и Боспор: Замечания о керченских древностях и опыт хронологии царства Боспорского. СПб., 1851.
40. Яковлев В. А. Указ. соч. С. 807—808.
41. ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, д. 191. Л. 10—14 об.
42. Карасев А. Н. Планы Ольвии XIX в. как источник для исторической топографии города // Материалы и исследования по археологии СССР. 1956. № 50. С. 18—21.
43. ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, д. 191. Л. 15—19 об. См. также: Уваров А. С. Несколько слов об археологических разысканиях близ Симферополя и Севастополя // Прописки. Сб. статей по классической древности, издаваемый П. Леонтьевым. М., 1854. Кн. 4. С. 525—526.
44. ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, д. 191. Л. 20—20 об.
45. Анфим, игумен. Историческая записка о Херсонесском св. Владимира монастыре // ЗООИД. 1877. Т. 10. С. 427.
46. РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 5110.
47. Маркевич А. И. Несколько слов о деятельности в Тавриде Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического // ИТУАК. 1901. № 31. С. 38.
48. ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 44. Л. 49, 50—51 об.
49. ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, д. 191. Л. 22—24 об.
50. Ящуржинский Х. Очерк археологических разведок и исследований в области Херсонеса Таврического // ИТУАК. 1888. № 5. С. 112.
51. Айналов Д. В. Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. М., 1905. Вып. 1. С. 1—15.
52. РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 5469. Л. 1—3 об.
53. Гриневич К. Э. Сто лет херсонесских раскопок (1827—1927). Севастополь, 1927. С. 16.
54. ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, д. 191. Л. 25—25 об., 31—42.
55. Уваров А. С. Несколько слов об археологических разысканиях... С. 525—537; Он же. Извлечение. из всеподданнейшего отчета об археологических разысканиях в 1853 году. СПб., 1855. С. 135—171.
56. Уваров А. С. Несколько слов об археологических разысканиях... С. 533—537; Он же. Извлечение... С. 159—171.
57. ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 44. Л. 49—52 об.
58. ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, д. 191. Л. 49—52 об.
59. Гриневич К. Э. Указ. соч. С. 17—18.
60. Романчук А. И. Херсонес XII—XIV вв.: Историческая топография. Красноярск, 1986. С. 12, 160—162.
61. ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, д. 191. Л. 55—58 об., 63—63 об., 71—73 об.
62. Маркевич А. И. Указ. соч. С. 48; Немировский А. И. Нить Ариадны. Воронеж, 1972. С. 118.
63. ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, д. 199.
64. ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, д. 17, 191, 192, 193, 197, 198, 199, 201, 203.

Список сокращений

- ГАОО — Государственный архив Одесской области
 ГИМ — Государственный Исторический музей
 ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
 ИАК — Известия Императорской Археологической комиссии
 ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материльной культуры
 ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
 МАО — Московское археологическое общество
 ОПИ — Отдел письменных источников ГИМ
 РА — Российская археология
 РА ИИМК — Рукописный архив Института истории материльной культуры Российской АН
 РАО — Русское археологическое общество
 РГАВМФ — Российский государственный архив военно-морского флота
 IPE — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae... Ed. V. Latyshev. Vol. I. Petrololi, 1916.

Содержание:

Хроника основных событий	2	<i>Пак Н. И.</i> (Калуга) Чин русской жизни как основа национальной самобытности (по «Лету Господню» И. С. Шмелева): об утраченной духовно-бытовой традиции.	92
«Охраняется государством». 4-я Российская научно-практическая конференция. Погибшие святыни. Тексты докладов.	8	<i>Крылов А. К., Крылова О. Ю.</i> (Санкт-Петербург) Федоровский городок — «Китеж» русской культуры	102
<i>Калинин В. А.</i> (Санкт-Петербург) Фотовыставки к конференции «Погибшие Святыни».	10	Дополнения к «Воспоминаниям крестника Императрицы» Ю. Д. Ломана (1906—1980), помещенным в Сборнике материалов программы «Храм» (выпуск 7, СПб. 1994) Публикация <i>Кушариной Л. И.</i> (Санкт-Петербург)	115
<i>Панченко А. А., Панченко А. М.</i> (Санкт-Петербург). Московская ересь XX века (Мавзолей вождя)	11	<i>Иодко О. В.</i> (Санкт-Петербург) С. С. Уваров — Президент Императорской Академии наук.	124
<i>Арсеньева Е. Н.</i> (Санкт-Петербург) Культурная революция в России и формирование нигилистического отношения к наследию.	31	<i>Зеленина Я. З.</i> (Москва) Материалы по символике христианского искусства в наследии графа А. С. Уварова	137
<i>Васильева Р. В.</i> (Санкт-Петербург) «Охрана памятников» в свете реализации первых декретов Российского правительства. (По материалам Рукописного архива Института истории материальной культуры РАН)	52	<i>Кириченко Е. И.</i> (Москва) Проекты электрических железных дорог в Москве и Московское Археологическое общество в начале XX в.	147
<i>Шалина И. А.</i> (Санкт-Петербург) Забывтый музей древнерусского искусства	56	<i>Жерев Н. Н.</i> (Санкт-Петербург) Судьба новгородских святынь (По материалам XV и XVI археологических съездов)	155
<i>Пивоварова Н. В.</i> (Санкт-Петербург) О составе коллекций Музея христианских древностей Императорской Академии художеств	71	<i>Тункина И. В.</i> (Санкт-Петербург) А. С. Уваров и древности Южной России (конец 1840-х — начало 1850-ых гг.)	163
<i>Калинин В. А.</i> (Санкт-Петербург) Церковные древности в фондах фотоархива Института истории материальной культуры Российской Академии наук и проблемы сохранения «запечатленных святынь».	80	<i>Шлеев В. В.</i> (Киев, Украина) К истории начальных шагов изучения культуры и искусства Ванского царства	182
<i>Кирпичников А. Н.</i> (Санкт-Петербург) Реликвии Русской Императорской армии в Брюсселе	86	<i>Гуренок М. К.</i> (Москва) Поречье Уваровых. Иконография усадьбы и портретная галерея владельцев	192